

Анатолий Лубичев

**ХРАНИТЕЛИ
ТАЙНЫ**

Анатолий Лубичев

Хранители тайны

«Пробел-2000»

2017

УДК 821.161.1-321.2 Лубичев
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лубичев А. З.

Хранители тайны / А. З. Лубичев — «Пробел-2000», 2017

ISBN 978-5-98604-616-7

Приближаясь к последней черте, можно сказать к финишу, отмеренной мне судьбой жизненной дистанции, я всё более и более мучительно переживал, что после моей смерти никто и никогда не узнает о той тайне, которую хранил все эти годы, не поведав о ней даже самым близким мне людям. Борясь с сомнениями, я всё-таки принял решение поделиться с вами уважаемые читатели сведениями и фактами, которыми владею и располагаю. События, описанные в этой книге, основаны на рассказах окружающих меня людей, на семейных легендах, переходящих из поколения в поколение, на документах, попавших мне в руки, на архивных данных, на результатах моих частных поисков и расследований, на всём том, о чём я узнал за все прожитые мной годы. Начиная повествование с событий, как говорится, давно минувших дней, попытаюсь проследить и показать всю цепь злоключений, выпавших на долю людям, только лишь приоткрывшим тайну огромных сокровищ.

УДК 821.161.1-321.2 Лубичев
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98604-616-7

© Лубичев А. З., 2017
© Пробел-2000, 2017

Содержание

Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анатолий Лубичев

Хранители тайны

*«Нет ничего «тайного», которое, рано или поздно, не стало бы
«явным».*
Сократ

© Лубичев А.З., 2017

Иллюстрации автора

Приближаясь к последней черте, можно сказать к финишу, отмеренной мне судьбой жизненной дистанции, я всё более и более мучительно переживал, что после моей смерти никто и никогда не узнает о той тайне, которую хранил все эти годы, не поведав о ней даже самым близким мне людям.

Борясь с сомнениями, я всё-таки принял решение поделиться с вами уважаемые читатели сведениями и фактами, которыми владею и располагаю.

События, описанные в этой книге, основаны на рассказах окружающих меня людей, на семейных легендах, переходящих из поколения в поколение, на документах, попавших мне в руки, на архивных данных, на результатах моих частных поисков и исследований, на всём том, о чём я узнал за все прожитые мной годы.

Начиная повествование с событий, как говорится, давно минувших дней, попытаюсь проследить и показать всю цепь злоключений, выпавших на долю людям, только лишь приоткрывшим тайну огромных сокровищ.

Глава первая Бегство

Маршрут следования обоза

Французская армия покинула Москву, этот негостеприимный для неё город. Французы не бежали в панике разгромленные, не отступали под напором русских войск, они уходили по приказу своего любимого императора, непобедимого Наполеона Бонапарта.

19 октября 1812 года армия Наполеона с огромным обозом выступила в юго-западном направлении в сторону Калуги. Под селом Тарутино, встретив упорное сопротивление русской армии под командованием Кутузова, французы отступили к Малоярославцу. Эта попытка сохранить за собой более предпочтительное направление движения, по нетронутой войной местности, не дала результатов. Поражения французской армии под командованием маршала Ноя в сражениях под Малоярославцем 26 октября 1812 года, а затем под Вязьмой 3 ноября 1812

года, были последними серьёзными попытками двигаться в южном направлении. Французы были практически принуждены к отступлению по Смоленской дороге, по территории, ими же разорённой и разграбленной в летнюю военную кампанию. Их положение стало ещё более безнадёжным из-за наступившей в середине октября ранней зимы со снегопадами и морозами.

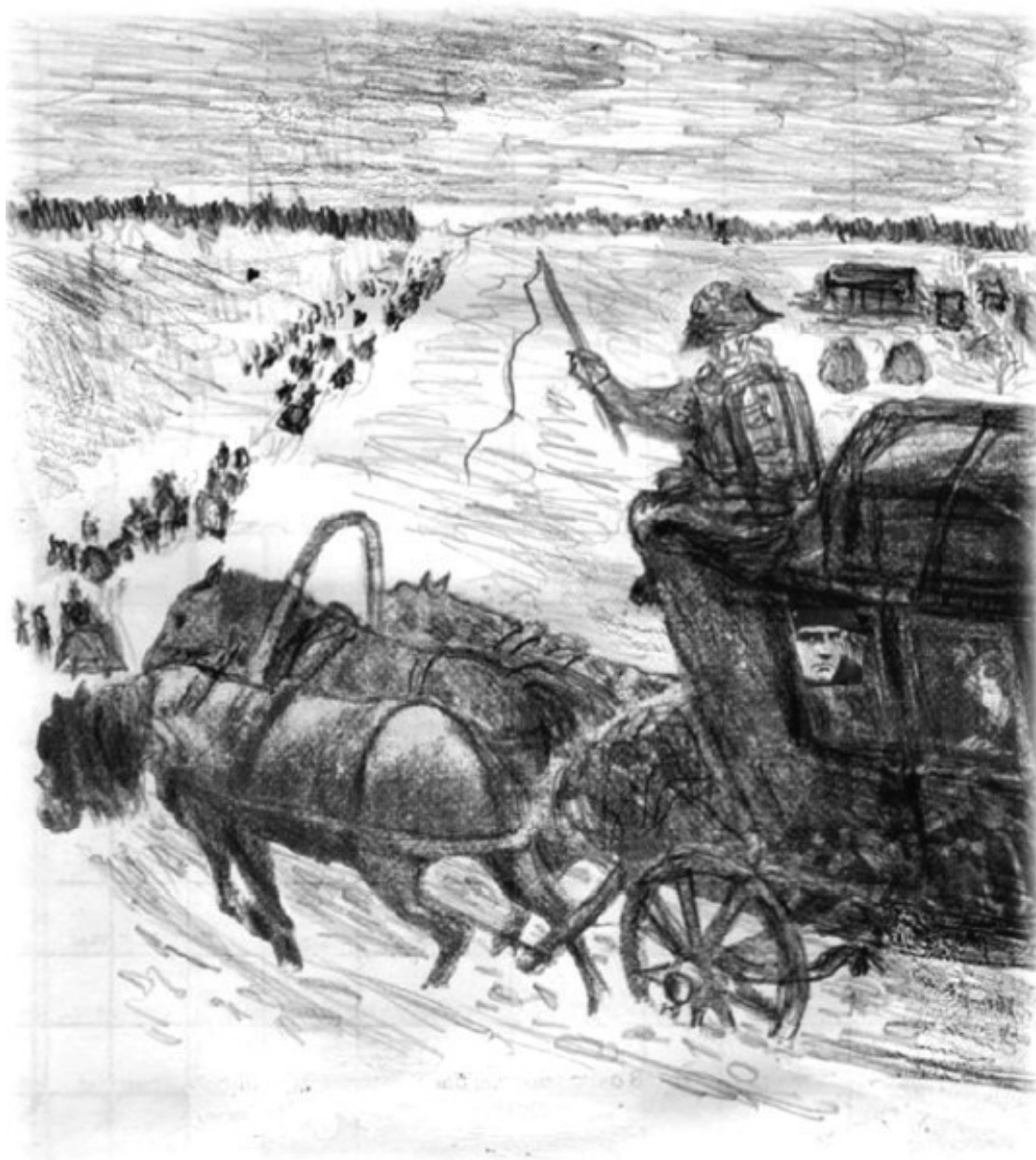
Войска медленно двигались, растянувшись на многие вёрсты по заснеженной дороге, мимо дышащих холодом ослепительно-белых полей, мимо густых покрытых инеем лесов, мимо заброшенных деревень и помещичьих усадеб.

Уже через несколько дней это шествие представляло из-себя жалкое зрелище. Мороз, пурга, отсутствие провианта и фуража, дерзкие нападения русской конницы, казаков Платова и партизанских отрядов из крестьян превратили мощную французскую армию в войско, мало способное вести серьёзные боевые действия.

Среди потока обозов, пеших и конных отрядов и просто отдельных групп пехотинцев и всадников, представлявших собой довольно пёстрое неорганизованное скопление вооружённых людей разных наций и народов, выделялся своей организованностью и экипировкой отряд, сопровождавший обоз из более тридцати разнообразных по виду и назначению упряжек. Охрану обеспечивали хорошо вооружённые и тепло одетые конные егеря, числом до двух сотен, часть из них возглавляла движение. Следом четвёрка мощных коней тянула сани с пушкой и ядрами, слегка прикрытыми сеном. Орудийная прислуга была при пушке, кто-то сидел верхом на одном из коней упряжки, кто-то примостился на санях, а кто-то шёл рядом, согреваясь быстрой ходьбой. В обозе были заметны ещё две подводы с пушками, одна в середине, вторая следовала перед эскадром конных егерей, замыкавших колонну. В центре обоза располагалась карета, запряжённая на русский манер тройкой коней. «Тройкой» управлял один из ездových, восседая на крыше кареты. Из небольшой жестяной трубы, торчащей из кареты, шёл легкий дымок. Это говорило о знатности, находившейся в ней особы, потому что не всякому человеку было доступно ехать в карете с отоплением в такое непростое время.

Карету сопровождал конный эскорт, состоящий из офицеров различных чинов, числом не менее сорока.

В окне кареты было различимо лицо пассажира, смотревшего с печалью, на греющихся у костров солдат с обмороженными щеками и носами, устраивающих споры и драки из-за еды и одежды, на брошенное у обочин дороги воинское снаряжение.

...В окне кареты было различимо лицо пассажира...

Особое внимание привлекала следовавшая в обозе большая карета, которая с трудом поддавалась усилиям запряжённой в него шестёрке тяжеловозов. Даже неопытный глаз мог легко определить немалую ценность груза по заколоченным изнутри окнам и большим висячим замкам на дверях. Ездовой, закутанный в тулуп, управлял упряжью сидя на одном из коней. Он изредка размахивал длинным хлыстом, когда карета замедляла и без того не быстрый свой ход.

В основном же, обоз вёз обычный для того военного времени груз: боеприпасы, фураж, продукты, разнообразное оружие и конечно ценные трофеи из разорённых дворянских и купеческих домов, подмосковных помещичьих усадеб и церквей. На каждом из возов зарывшись в сено, а то и просто сидя на поклаже обняв ружья, ехали солдаты и капралы прославленного пехотного корпуса «Молодая Гвардия», кому повезло остаться живыми после многочисленных сражений.

При въезде в Вязьму случилось большое скопление войск. Узкие улочки не позволяли обеспечить быстрый проход такой массе пехоты, конницы и артиллерии через город. Положе-

ние усугублялось тем, что французы, войдя в город, задерживались в нём в поисках тёплой одежды, еды и ночлега.

Дальнейшее продвижение обоза стало невозможным. Попытки освободить дорогу для проезда результатов не дали. Офицер в форме кирасира, следовавший в эскорте, спешился, подошёл к карете и постучал в дверцу. Услышав недовольное бурчание и получив «разрешение», заглянул внутрь, развернув планшет с картой. С почтением в голосе он стал что-то объяснять пассажиру, водя по карте пальцем.

– Я понял Вас Бертье, выполняйте! – с явным недовольством в голосе произнёс пассажир кареты.

Бертье слегка склонил голову в знак почтения, прикрыл дверцу кареты и отойдя на несколько шагов остановился в раздумье. Адъютант подвёл коня. Усевшись в седле и приказав находящимся рядом офицерам следовать за ним, Бертье поспешил в голову обоза.

После некоторой возни, криков и выстрелов впереди на дороге, обоз медленно продвинулся к видневшейся вдалеке деревне и сразу за ней свернул вправо на хорошо укатанную дорогу.

Без особого труда и приключений обоз продвинулся вёрст на двадцать к северо-западу. Описав дугу, дорога минула перелесок и уткнулась в небольшую речушку с высокими и крутыми берегами. Через речку был сооружён небольшой мост из брёвен вполне пригодный для переправы.

Конные егеря в нерешительности сгрудились перед крутым спуском. Горячо обсудив дальнейшие действия и, видимо, придя к нужному решению, спешившись, ведя коней в поводу, стали осторожно переправляться на противоположный берег.

Ездовой, сидевший на одном из четырёх коней, тянувших пушку, остановил упряжку. Он медленно спустился на землю, слегка размял занемевшие ноги, подошёл ближе к уклону и некоторое время смотрел качая головой на возникшее вдруг препятствие. Командир егерей, оставшийся на этом берегу для руководства переправой обоза, окликнул его.

– Что скажешь?.. Солдат!..

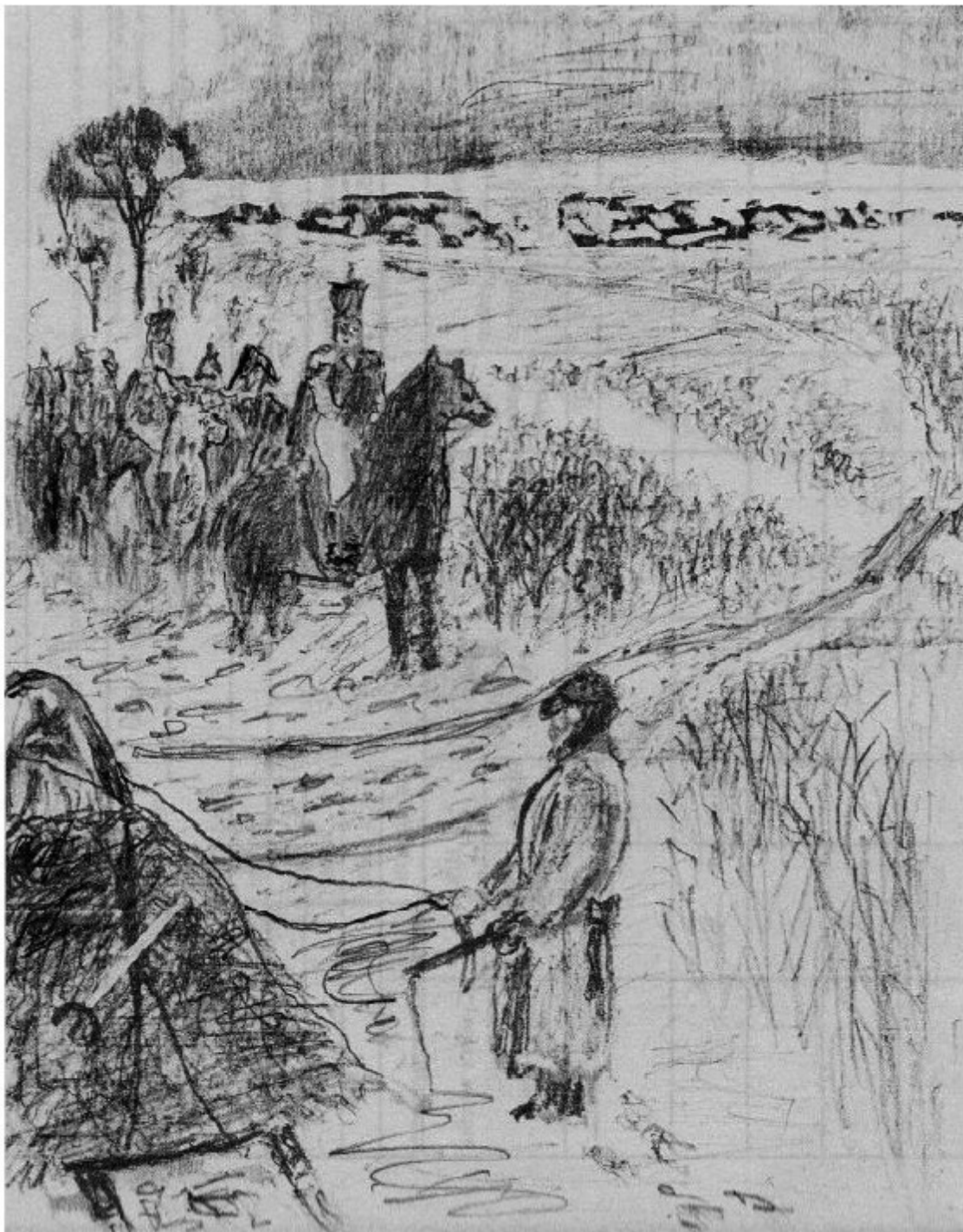
– Господин полковник! – ездовой сделал несколько шагов по спуску, – Я не смогу справиться с лошадьми. Слишком круто. Необходимо что-то придумать, что-то решить, иначе мы потеряем и лошадей, и пушку, и заряды, – и с нескрываемой издёвкой в голосе добавил, – Жду Вашего приказа!.. Господин полковник!.. – делая особенный акцент на слове «вашего».

Полковник стоял молча в раздумье не находя нужного решения. Тем временем вокруг образовалась толпа из офицеров эскорта, бурно обсуждавших дальнейшие действия по переправе.

Никто не заметил, как в это время из-за придорожных кустов появилась невзрачная лошадка, запряженная в сани-розвальни, нагруженные сеном. Ею управлял мужичок с такой же лохматой как грива лошадки бородой. Он был одет в полушубок из овчины, подпоясанный льняной верёвкой. На его голове красовался треух из меха енота, на руках – вязанные шерстяные рукавицы, а ноги были обуты в валенки, большой размер которых явно не соответствовал малому росту владельца. Мужичок ловко управлял лошадкой, развалившись на сене.

Возок без особых усилий со стороны лошадки скользил по проторенному им же санному следу. объезжая стороной, стоящие подводы, всадников и людей, благо снег был ещё неглубок, мужичок направил лошадку к берегу и остановил её перед самым спуском, натянув поводья и прокричав что-то вроде,

– Тпррруу!..еть!..тебя!..дышло!., курва!..

...Мужичок направил лошадку к берегу и остановил её перед самым спуском...

С невозмутимым спокойствием, не обращая внимания на любопытные взгляды французов, всем видом демонстрируя, что только он здесь хозяин, мужичок выпряг лошадку из саней, повесил ей на холку дугу и вожжи и отвёл в сторону. Затем он подвязал оглобли, появившейся откуда-то из-под сена верёвкой, приподняв их над землёй, и стал толкать сани к уклону. Сначала медленно, затем всё быстрее и быстрее они стали съезжать вниз по колею. Мужичок в последний раз с силой подтолкнул их и остановившись стал смотреть на результат своей работы.

Сани, набирая скорость, помчались с горы, пролетели с шумом по брёвнам моста, въехали по инерции почти на треть на подъём, остановились и медленно начали сползать назад к реке, но продвинувшись совсем немного замерли.

– Вот так!.. Забери меня цыган!.. – произнёс мужик и направился к своей лошадке скучающей по его ласковому обращению.

Молча стоявшие французы, оценивающе наблюдавшие за происходящим, вдруг загалдели, оживлённо обсуждая действия мужика. Некоторые из них подходили к нему, хлопали его по плечу, – Bravo месье! – Bravo месье! – Bravo месье!..

Он, с безразличием относившийся к их похвалам, пробурчал в бороду,

– Чаво уж там, ни дуги гнуть, – взял лошадку под уздцы, спустился с ней вниз к саням, впряг её и, нещадно колотя кнутовищем, ругая всеми знакомыми ему непристойными словами, заставил её подняться в гору.

Полковник молча отыскал глазами ездового, управлявшего санями с пушкой.

Тот, поймав его взгляд, так же молча отцепил постромки, отвёл коней в сторону и прокричал стоящей неподалёку орудийной прислуге,

– Эй! Вы! Бездельники!.. Я что один должен живот надрывать!.. – подошёл к саням и сделал попытку подвинуть их к спуску.

Несколько человек, поняв его намерения, подбежали и с удовольствием стали помогать, когда ещё придется поучаствовать в таком необычном деле. Совместными усилиями сани столкнули под уклон. То ли из-за большого веса, то ли их неровно направили, но они съехали с колеи и на всей скорости, лишь одним боком попав на мост, перевернувшись, упали на лёд, пробив его, и затонули.

Вода небольшим потоком стала подниматься из пробитой полыньи и, растекаясь по заснеженному льду, делала его голубым и прозрачным.

Мужик, наблюдавший с противоположного берега, хмыкнул,

– Вот тебе и мусье! Этыть вам не по Европам с мусейками в каретах разъезжать. У нас не забалуешь! – вскочил на оглобли и уже зычно,

– Ноо!.. Милая!.. Нуоо!.. Мать тебя в три колена! – но видя безразличие лошадки, привыкшей к его призывам, взмахнув кнутом, добавил,

– Эть ты!.. Буш ешшо!.. Побалуй мне!..

Лошадка мгновенно взяла с места и, кося глазом на кнут, рысью «помчалась» вслед отряду конных егерей.

– Дьявольская страна! Дьявольская погода! Дьявольская дорога! Чёртов мужик! – полковник плюнул от досады, – Подгоняйте сани с сеном! Да, побыстрее!.. Капрал!.. Шевелитесь, дьявол вас возьми!..

Команда полковника быстро разнеслась по обозу.

Убедившись, что сено на месте, полковник взглянул на солдат стоящих вокруг в ожидании,

– Засыпайте всю дорогу к мосту сеном! Быстрее!.. Быстрее!.. Скоро стемнеет!..

Обсудив с полковником дальнейшие действия по переправе обоза, Бертье проследовал к карете с пассажиром.

– Мой импе... – он запнулся и хотел продолжить, как дверь отворилась.

– Слушаю, Бертье!

Пассажир сидел в углу кареты, обернувшись в просторный плащ из толстого сукна. Поднятый широкий воротник и надвинутая на лоб офицерская треуголка почти полностью скрывали его лицо. На полу, стоя на коленях перед маленькой чугунной печуркой, молодой слуга, закутанный с ног до головы в одежды явно с чужого плеча, пытался развести огонь. Плетёный

короб с берёзовыми углями, аккуратно сложенные дрова, медвежья шкура у ног пассажира, распластавшаяся во всю ширину кареты, и большой кожаный саквояж – составляли всё убранство этого временного жилища.

– Прошу простить за беспокойство.... Впереди опасный спуск. Может быть Вам на некоторое время покинуть карету?..

Пассажир недовольно взглянул из-за воротника плаща,

– Кому, Бертье, Вы говорите об опасности!?! – он ещё плотнее завернулся в плащ, – Пьер! Будет, наконец, тепло!?!..

– Капрал! Спускайте карету! – Бертье взял своего коня за повод, позволил ему ухватить губами клочок сена с дороги и пошёл первым вниз к мосту.

Ездовые начали медленно, с особой осторожностью, спускаться везы вниз к реке. Благодаря неожиданному решению полковника застелить спуск сеном и подоспевшей помощи многочисленных добровольцев, придерживавших коней и сани, обоз успешно переправился на противоположный берег. Тяжёлую карету с грузом переправляли последней, придерживая карету сзади с помощью четвёрки тяжеловозов.

Потеря времени на переправе позволила продолжить движение только к вечеру.

Темнело. Впереди виднелись слабые мерцающие огоньки – это ушедшие вперёд егеря зажгли факелы.

Не прошло и часа, как обоз въехал в небольшую деревню. За деревней в пяти минутах езды просматривались строения усадьбы местного помещика.

Началась обычная походная суэта. Французы метались по деревне в поисках места для ночлега. Те кому повезло занять свободную избу, растапливали печи. Неудачники разводили костры, устанавливали котлы над горящими поленьями, заполняя их всем что можно было найти съестного в крестьянских дворах, погребах и кладовых. Ездовые распрягли своих коней и поили их у колодца, наливая воду в приспособленное для этого большое выдолбленное из дерева корыто, и кормили украденным сеном своих коней.

Младшие офицеры метались по деревне, организуя ночную охрану обоза. Выстрелы, крики, женский и детский плач, кудахтанье кур и гоготанье гусей, визг свиней, ржание коней, звон колодезных цепей, треск ломаемых оград и ворот, в дополнение к этому зычные команды капралов – всё это до поздней ночи сопровождало действия французов.

Многие избы заблаговременно покинутые хозяевами были пусты и не топлены. Крестьяне, оставшиеся в деревне, в основном имеющие «малых» детишек, встречали непрошенных гостей не очень-то радушно.

В одной из изб, пятеро хозяйских детей, лежали на печи и боязливо следили за хозяйничавшими в доме чужими людьми, странно одетыми и говорившими на таком же языке, как и их барин. Родители, бородатый мужик в длинной подпоясанной рубахе и лаптях и дородная баба в расшитом сарафане, босая, сидели на большом дубовом сундуке, охраняя находящееся в нём богатство. Всем своим видом они демонстрировали полное безразличие к происходящему.

Тем временем трое французов принялись растапливать печь. Сырые дрова, сложенные совсем не там где им должно быть в печи, долго не разгорались. Наконец появились небольшие язычки пламени, и изба стала наполняться едким дымом.

Огонёк лампадки еле-еле пробивался сквозь образовавшуюся мглу. Дым и мрак медленно заполняли пространство. Отворили дверь. Хозяин слез с сундука, громко хлопнув, закрыл её и повернул голову в сторону печи,

– Сёмка! Чьяртёнок, ня видишь!?!..

Белокурый мальчик, старший из детей, приподнялся на печи и сдвинул щит, закрывавший отверстие в потолке. Дым нехотя потёк наружу.

У всех слезились глаза. В избе слышалось сморкание и кашель.

– Странное сооружение. Для чего это?.. – один из французов указал на свободное пространство в глубине печи, – Где крюк для котла?..

Паленья разгорелись. Искры с треском разлетались во все стороны. «Спалють дом природы» подумал мужик, но не двинулся с места. Французы то же, предвидя возможность пожара, стали передвигать горящие поленья вглубь печи давя сапогами падающие на пол угли. Мужик посмотрел на жену.

– Не спалють. – произнёс он уверенно.

Французы безуспешно шарили по углам и полкам в поисках еды. Один из них подошёл к мужику с найденной в чулане корзиной с мелким картофелем и стал возмущённо доказывать ему, что так жить нельзя, что у него дети, много детей, им нужна еда, иначе они умрут, и жена умрёт, и он сам.

Мужик слушал француза ничего не понимая, медленно поглаживал бороду радуясь: «вовремя я усё схоронил от этих сатрапов».

Кареты в сопровождении пеших гвардейцев и большинства офицеров сразу же проследовали за околицу деревни в сторону усадьбы. От дороги к усадьбе вела аллея из лип. Их почти чёрные стволы отчётливо выделялись на фоне снега, освещённого восходящей луной. Аллея заканчивалась перед широким парадным крыльцом двухэтажного кирпичного дома с большими окнами и массивными двустворчатыми дверьми. По бокам крыльца на пьедесталах были установлены небольшие скульптуры то ли львов, то ли сфинксов из мрамора.

...К усадьбе вела аллея из лип...

Этот дом и ряд невысоких деревянных и кирпичных строений, примыкающих друг к другу и образующих просторный внутренний двор, составляли архитектурный ансамбль усадьбы. Въезд во двор закрывали тяжёлые кованые ворота. Присутствие людей за ними ничем не выдавалось. Тишину наступающей ночи нарушал лишь лай собак.

Всадники спешили. Двое взбежали, скользя по обледенелым ступеням, на крыльцо и застучали кулаком в дверь. Стук громче и громче звучал, отдаваясь эхом от стены. Хозяева явно не хотели впускать ночных гостей.

Одно из окон первого этажа освещалось изнутри слабым мерцающим светом. Бертье медленно приблизился к окну. С земли был виден только потолок, украшенный гипсовой лепкой. Встав на выступ фундамента и, держась за выступающую фигурную кирпичную кладку, он заглянул внутрь. Его взору открылась довольно просторная комната, вернее кабинет, заполненный массивными шкафами с книгами. На стенах свободных от шкафов висели картины на охотничьи темы. Бертье увидел секретер французской работы из красного дерева с множе-

ством потайных ящичков и дверок. Эти секретеры вошли в моду и быстро распространились по всей Европе, став украшением многих кабинетов.

Перед раскрытым секретером в кресле сидел старик. По его щекам спускались редкие седые волосы, через которые проглядывались глубокие морщины. Лицо украшали длинные «польские» усы. Он вносил записи в большую амбарную книгу, макая гусиное перо в массивную малахитовую чернильницу. Две свечи в подсвечниках освещали слабым светом внутреннее убранство кабинета.

Бертье вдруг вспомнил: «В детстве, забегая на отцовскую половину дома в Руане, он зачарованно смотрел на такой же сверкающий отделкой и лаком секретер, на все эти ящички и дверцы с хитроумными замочками и запорами, где хранилось самое ценное и секретное. Он не забыл, как мечтал заглянуть в каждый уголок секретера и увидеть какие-то удивительные вещи...». Его нога соскользнула с уступа и он, едва не сорвавшись, ухватился за деревянный отлив окна. Словно очнувшись от нахлынувших воспоминаний о родительском доме, он сначала тихо, а потом всё сильнее и сильнее застучал по стеклу.

Хозяин кабинета вздрогнул, взглянул на окно, выдвинул один из ящичков секретера и извлёк из него большой старинный пистолет. Взяв серебряную пороховницу с тонким и длинным горлышком и, взведя курок, заполнил порохом запальное отверстие. Встал с кресла и медленно подошёл к окну, держа пистолет наготове. Бертье спрыгнул с уступа и с опаской отступил от окна в темноту.

Старик, не разглядев за окном ничего кроме своего отражения в стекле, не выпуская пистолет из руки, позвонил в колокольчик, висевший на поясе шёлкового персидского халата, одетого на нём.

В проёме двери появился слуга, такой же старый и седой, как его хозяин.

– Слушаю, барин...

– Это кто там за окном шумит?.. Смотрел?..

– Французы, барин, на двух каретах и с большой охраной. Видно знатные люди или больших воинских чинов.

– Что ж ты не доложил?!.. – барин сел на диван, облокотившись на мягкий подлокотник, – А?!..

– Виноват, барин, надеялся: постучат-постучат, да и мимо проедут, не хотел беспокоить зазря.

– Постучат-постучат, а коль дверь сломают?!.. Пойди, отвори им, да свечи зажги в комнатах, да не все, по одной. Не гости званые. Да скажи, чтобы меня не беспокоили. Я здесь буду. Скажи дворовым, что б замки снимали с кладовых и погребов, да с амбара. Французам замки не помеха, двери поломают, потом делать... Управляющий – то не приехал?..

– Нет, барин, как тремя днями уехал в Сычовку на сыроварню, так и не вернулся. Кто знает, вернётся ли. Что творится то, барин, французишки, говорят, по всем дорогам, и пешие и конные, да голодные и злые, говорят. Отберут коней то, а то и пришибут ненароком. Страсти господни... – слуга трижды перекрестился.

– Хватит болтать пустое! Бог даст, вернётся – перекрестившись, добавил, – Вот что ещё. Покажи им нужник, гостям незваным, а то будут по углам гадить.

Раздались громкие удары в наружную дверь.

– Иди, а то и впрямь дверь выломают, разбойники. Не забудь, что я велел!..

– Слушаюсь, барин – слуга торопливо покинул кабинет, бормоча под нос всякие нехорошие слова в сторону ночных гостей.

Французы, устав ждать, с ещё большей силой забарабанили в дверь. Заметив как окна, одно за другим, стали освещаться изнутри прекратили стучать и замерли в ожидании.

Загремел засов. Двери медленно распахнулись, и показался слуга, держа зажжённую свечу в руке и укрывая её от сквозняка.

Бертье поднялся по ступеням, хотел что-то произнести, но слуга опередив его, заговорил на вполне сносном «французском».

– Барин приказал впустить. Просил его не тревожить. Просил мебель не ломать, дрова во дворе. В доме костров не разводите. Печи натоплены. Еду готовить в мезонине на кухне. Ворота открыты. Можете заводить коней и упряжи во двор – он сделал шаг в сторону, пропуская французов, и прокричал в темноту, – Фёдор!.. Фёдор!..

Вмиг появился невысокого роста бородатый мужик, в котором Бертье сразу признал эту «бестию» с речки, погубившую пушку своим дуратским примером.

– Фёдор!..

– Слушаю, Ефимыч...

– Возьми-ка ты, Фёдор, кого-нито из дворовых. Да, по открывайте всё: кладовые, погреба, амбар, хлев. Понял? Всё!.. Замки схороните, ненароком потеряют, аль скрадут.

– Как жешь так – то, Ефимыч?!..

– Не откроем – сломают. Барин велел. Скажи им, что б поглядывали: не запалили б что французы, сено, что б по двору не трясли, что б лишнего то не брали. Баб запрятче, где ни то, лучше в овине. Сам знаешь – драка бы ни вышла.

– Ефимыч, прикашшик ти дома?.. Ключи, сам знаш, у няво.

– Ключи у Гришки-повара. Он на кухне с Палашкой, я видел, в карты «резался». Скажи «барин велел».

Фёдор хотел было уйти, но, заметив офицера отдающего распоряжения, передумал. Внимательно осмотрев шлем и щёлкнув по нему пальцем деланно восторженно произнес

– Хороша штука то. Уху варить летом то. А?.. На речке. А?..

Бертье соглашаясь утвердительно закивал, совершенно не понимая издевательского смысла слов,

– Увы... Увы...

– Ви, ви. Хрен нямой – и повернувшись к Ефимычу, – Сделаю, сделаю, как не сделать раз веляно, чавоуж... -

Фёдор удалился довольный собой, что, так смело разговаривал с французским баринном и даже не кланялся.

Комнату для пассажира из кареты приготовили в противоположном от кабинета крыле дома. Небольшой столик, два табурета, комод и неширокая кровать с резными деревянными спинками грубой работы – составляли скромный её интерьер. На окнах висели, уже изрядно выгоревшие на солнце, шторы из жёлтокоричневого полотна. Для обогрева комнаты вплотную к свободной от окон стене стояла печь. Зелёные с золотом, то ли петухи, то ли орлы красовались на изразцах печи. Топку закрывала чугунная дверца декоративного литья.

Широко распахнув дверь, в комнату быстрым шагом вошёл человек из кареты в сопровождении слуги, который, опустив на пол довольно вместительный саквояж, попытался растянуть ремни и достать вещи, но услышав резкое «Вон!», поспешно удалился.

Оставшись один, постоялец резким движением сбросил с плеч плащ, швырнул на кровать треуголку и стал не спеша стягивать с пальцев перчатки.

Это был невысокий мужчина плотного телосложения. Орлиный нос, высокий лоб и острый, с ямочкой, подбородок, немного выдвинутый вперёд, вызывали ощущение целеустремлённости и решительности, исходящее от этого человека. На нём ладно сидел мундир синего цвета с позолоченными пуговицами и эполетами. Белые вязаные рейтузы, обтягивающие полноватые бёдра, сапоги на толстой подошве с высокими каблуками и голенищами выше колен удачно скрадывали недостатки его фигуры.

Некоторое время мужчина стоял неподвижно, засунув одну руку за отворот мундира, другую держа за спиной, направив взгляд куда-то в пространство...

– Это должно было случиться – произнёс он утвердительно и вздрогнул от неожиданности, услышав в тишине комнаты свой голос.

Передёрнув плечами, словно освобождаясь от забытья, повернулся на каблуках и встал вплотную к печи. Потрогав пальцами изразцы и почувствовав тепло, прижался к печи ладонями и щекой, а затем всем телом, и замер, прикрыв глаза.

Последние месяцы, чувствуя безмерную усталость и ощущая всю неопределённость настоящего состояния дел, он при первой же возможности стремился остаться один в тишине и покое. Наедине с самим собой пытался понять, перебирая в памяти события минувших дней, причины и действия, приведшие к краху надежд и мечтаний, – «Подлые англичане! Своими политическими интригами и дипломатическими кознями добились-таки своего. Им удалось поссорить меня с императором Александром, создав из друга Франции образ врага. Как я мог поверить этим подложным письмам, этим лживым свидетелям, этим лживым дипломатам. О, моё тщеславие!.. Вот!.. Вот причина всего происходящего», – он мысленно перенёсся назад в сражение за Смоленск, вспоминая о зародившихся тогда сомнениях, о верности принятого решения, – «Да!.. Ни один из завоёванных мною народов, ни защищал так яростно и ни сражался так самоотверженно за свою землю, как эти русские. Я император-освободитель народов Европы Наполеон Бонапарт, руша вековое феодальное рабство, дарю им свободу, а они не только не принимают её из моих рук, но и беспощадно противодействуют мне. Дикий и глупый народ... А это ужасное сражение под Москвой. Тот день мне не забыть... Крики, стоны, ржание коней, грохот пушек и взрывов, звуки ружейных залпов, огонь, дым, пыль... Изувеченные люди и лошади... Горы трупов... Тела французов и русских перемешались, не разобрать кто, где... Кровь, кровь... Река покраснела от крови. Всё смешалось в один большой ком боли и страха. Этот кошмар прекратился только к ночи. А утром... Утром этот одноглазый хитрец фельдмаршал Кутузов оставил меня ни с чем, украл такую близкую победу, увёл свою армию и заманил меня в западню – Где были мои глаза?!..»

Он вспомнил, как медленно прохаживаясь по стенам Московского кремля и видя полыхающий вокруг город, окончательно понял всю безнадёжность положения армии, уверовал в бесполезность продолжения борьбы за власть над Россией и её народом.

Он вдруг почувствовал себя одиноким, слабым и никому не нужным в этом чужом краю чужой ему страны, – «Без власти, без славы, без армии... Я убегаю, прячусь от взглядов своих солдат и офицеров, убегаю, бросив армию и прихватив «награбленное», как трус и воришка... Смогу ли я вновь подняться с колен?.. Смогу ли?..»

Невыразимая тоска и жалость к самому себе накатила на него, он почувствовал себя жалким, беспомощным и забытым всеми... Слезинки сначала одна, за ней другая, потом ещё и ещё... покатались по щеке, падали на его мундир и оставляли на нём маленькие тёмные пятнышки. В тиши комнаты послышалось сдержанное рыдание,

– Мама, Мама, Где ты мамочка?!..

Ни что не нарушало ночной тишины. Конные патрули не спеша объезжали окрестности, проверяя на всякий случай, а не забредёт ли кто.

Во дворе усадьбы на сложенных у костра паленьях, опершись на ружья, сидели часовые. Невдалеке у привязи жевали сено кони.

Молодой француз с едва заметными усиками, задрав голову, внимательно разглядывал чёрное ночное небо усыпанное звёздами. «Такое же, как у нас в деревне», подумал он, завожжённый этим зрелищем.

– Дядюшка Леон, – обратился он негромко к сидящему напротив товарищу, – Может быть, бог забыл о нас?.. Оставил нас наедине с нашими бедами?.. Дядюшка Леон?..

Лицо пожилого француза, покрытое многочисленными шрамами, изобразило глубокую задумчивость. Его большие чёрные с проседью усы с характерным оттенком, приобретённым при постоянном воздействии на них табачного дыма, зашевелились.

– Всякому воздастся по делам его, – произнёс он многозначительно и перекрестился, глядя в ночное небо. Бросив в костёр полено, продолжил,

– Может быть, забыл, а может быть и не забыл, а наоборот – наказание нам назначил.

– Нет, дядюшка Леон, не назначил. Иначе не послал бы он нас сопровождать этот обоз, что б быть нам подальше от сражений и поближе к дому... А?.. Дядюшка?.. А что за вельможа едет в карете, как думаешь?.. – неожиданно, переведя разговор на другую тему, спросил юноша,

– А что за груз в другой карете, которую так зорко охраняют?.. А что если это сам император?.. А?.. Дядюшка Леон... И вот тогда, когда мы благополучно прибудем во Францию, он наградит нас за службу, а тебя может сделать капралом или даже капитаном, А?..

– Будешь болтать, тебя точно наградят: вперёд французской пулей, чем русской. Я подремлю, а ты смотри в оба, а лучше слушай, ночью слух наиглавнейшее дело. Начнёшь дремать – толкни меня!..

Юноша с опаской огляделся, – Что слушать. А?..

– Слушай... Слу... – тихое похрапывание помешало получить ответ на заданный вопрос. Луна опустилась за лес. Звёзды ещё ярче засияли на ночном небе.

Пламя то разгоралось, то затухало, и темнота в ответ то отступала, то приближалась, окружая сидящих у костра людей плотной непроглядной стеной.

Юноша положил несколько поленьев в костёр и стал наблюдать, как пламя медленно поедало их. Воспоминания волнами накатывались одно за другим. Не о походах, не о сражениях думалось ему: о родительском доме, о друзьях детства и юности, о маленькой деревушке, где он родился, о вкусной еде какую готовила мама в праздники, о той соседской девочке, весёлой и озорной, при виде которой он ужасно стеснялся и краснел. Она же, видя это, всячески подшучивала над ним. Однажды перехватив его взгляд она подбежала и смущая его своей смелостью спросила: «Что нравлюсь я тебе, берёшь меня в жёны?..».

«Вернусь в деревню – пойду к её родителям просить руки их дочери. А что!.. У гвардейца хорошее жалование. Я подкопил денег, да добыл несколько ценных вещичек – хватит и на свадьбу и на небольшой домик». Он нащупал под одеждой туго набитый специально сшитый пояс».

Согретый этими мыслями и теплом костра он готов был уснуть, как вдруг услышал лёгкий хруст снега за спиной. С опаской обернувшись и всмотревшись в темноту, различил едва заметный силуэт человека у одной из карет. Свет костра ослаб. Карета и тот, кто находился с ней рядом, словно растворились в ночи.

– Дядюшка Леон... – шёпотом позвал он пожилого гвардейца.

Тот поднял голову и, не открывая глаз, спросил сонным голосом,

– Что?.. Что случилось?..

– Я слышал, снег хрустел, и видел кого-то там у кареты.

Похлопав себя по щекам, отгоняя сон, Леон приподнялся, отвернулся от костра и подождав когда глаза привыкнут к темноте стал внимательно осматривать двор. Кони спокойно жевали сено, переминаясь с ноги на ногу. По снегу бегали причудливые тени, создаваемые пламенем.

«Померещилось мальчишке», подумал он и похлопал его по плечу, – Поспи, я посторожу.

– Я видел, дядюшка, я видел...

– Видел?.. Теперь я посмотрю.

Молодому гвардейцу было не до сна. Он крутил головой, прислушиваясь и вздрагивая после каждого звука, издаваемого сбруей или копытами коней.

Тишину нарушили чьи-то шаги и еле слышный скрип у карет.

Пожилой драгун поднял голову, – Эй! Кто там! Выходи! – прокричал он в темноту приготовив на всякий случай ружьё.

Шум прекратился. Наступила напряжённая тишина.

– Эй! Слышишь!?. Выходи!.. Ну-ка, парень, посмотри, что там за зверь, да поосторожнее, – Леон зажёг от костра факел, приготовленный для этого случая, и передал его юноше вместе с небольшим пистолетом, извлечённым из-под одежд.

Тот с опаской, выставив перед собой оружие, и, высоко подняв факел, медленно пошёл к каретам. Обследовав первую карету, и, не заметив ничего подозрительного, направился ко второй. Часовой, оставшийся у костра, услышал его спокойное, скорее радостное, чем удивлённое обращение,

– Это вы?.. Ну и напугали вы меня. А, что вы здесь делаете?..

Негромкий характерный стон заставил Леона взвести боёк и приподнять ружьё. Через мгновение из-за кареты в сторону узкого прохода между строениями метнулся еле-заметный в ночи человек. Гвардеец мгновенно вскинул к плечу ружьё,

– Стой!.. Стреляю!..

Несколько шагов, и человек скроется в узком проходе... Леон выстрелил, почти не целясь... Неизвестный сделал ещё несколько неуверенных шагов и рухнул без единого звука на снег лицом вниз.

– Да, неплохой выстрел, – вслух похвалил себя гвардеец и поспешил к каретам.

Его юный товарищ лежал на спине, держась двумя руками за левый бок. Между пальцев сочилась кровь. Рядом на снегу потрескивал горящий факел. «Эх парень, что ж ты парень...», – Леон склонился над раненым.

– За что он меня?.. Дядюшка?.. Почему меня?.. Больно. Больно... Дядюшка, я умру?.. Да?.. Это ездовой, наш ездовой... Я умру, да?..

– Ничего, парень, держись, вспомни, после каких ран я выживал. Мы с тобой ещё повоюем!.. Мы ещё поживём с тобой.

– Ты догнал его?

– Пуля догнала, парень. Дядюшка Леон не промахнётся, от дядюшки Леона не убежишь.

К месту происшествия уже спешила группа гвардейцев во главе с капралом, на ходу кутаясь в одежды и готовя оружие.

Капрал поднял горящий факел и осмотрел кареты. Да, налицо была явная попытка поживиться содержимым груза.

К каретам, в сопровождении полковника и нескольких младших офицеров, подошёл Бертье в слегка накинутах на плечи плаще. Хмуро, с явным недовольством взглянул на подчинённых и, заметив лежащего на снегу раненого, обратился к стоящим рядом гвардейцам,

– Отнесите его в дом и позовите лекаря! – и к часовому,

– Поймали вора?..

– Поймали – Леон показал на лежащее вдалеке еле различимое тело.

– Мне сдаётся, он был не один – капрал опустил факел и указал на следы, – Видите натоптано, определённо не один.

Он сунул факел под карету и, увидев чью-то ногу, обутую в армейский сапог, зычно командовал,

– А ну вылезай, разбойник! Быстро!

Слова капрала не возымели, ни какого действия, тогда, прятавшегося, силой вытащили из-под кареты. Все предполагали увидеть мужика-воришку из местных крестьян, но это ока-

зался французский пехотинец из числа ездовых, оставшихся на ночлег в деревне. Он сразу же моля о пощаде, подполз к Бертье, определив в нём главного.

Бертье с силой оттолкнул его ногой, выразив на лице нескрываемую брезгливость,
– Поднимите его!

Бертье взгляделся в лицо человека, продолжавшего твердить о своей невинности. Что-то знакомое было в его причитаниях и поведении, – «Да, это был он, тот самый человек, с кем Бертье познакомился при похожих обстоятельствах. Это было после взятия Смоленска. Войска двигались на восток, иногда вступая в мелкие стычки с противником. Обозы с боеприпасами, провиантом, фуражом и прочим имуществом зачастую мешали быстрому продвижению.

Обследуя положение дел на дорогах, Бертье обратил внимание на шеренгу солдат у опушки леса и офицера с обнажённой саблей, отдающего команды. У его ног ползал человек в нижнем белье. Это зрелище заинтересовало Бертье и он направил своего коня в сторону от дороги. Подъехав ближе, попросил молодого лейтенанта объяснить происходящее. Лейтенант доложил, что ему поручено привести в исполнение приказ командира корпуса и расстрелять этого труса и предателя. На вопрос Бертье, в чём вина солдата, лейтенант рассказал, что этот солдат был послан разведать безопасно ли продвижение нашего отряда через одно из селений. Вместо разведки он плотно поев и выпавшись в одном из домов, вернулся и доложил, что путь свободен. В результате этого обмана отряд попал в засаду и многие погибли. Жалкий и беспомощный вид приговорённого, его лицо в слезах и побоях вызвали у Бертье сомнения в законности приговора. Расстрелы были очень редки, и только сам Наполеон обычно отдавал на это приказ. Словно почувствовав со стороны подъехавшего офицера сочувствие к его участи, приговорённый стал умолять о пощаде, твердил о своей невинности, что это жители села убедили его в отсутствии русских войск. Весь в слезах он умолял и умолял о пощаде. Волей императора Наполеона Бертье отменил приговор и приказал в будущем сражении направить виновного на самое опасное задание.

Да, это он. Сколько же ещё всякой мерзости сумел натворить этот негодяй с того времени!?!..»

– Капрал! Расстрелять! – приказал Бертье с полным безразличием к воплям упавшего к его ногам существа.

Капрал замялся,

– Мне это впервой – не знаю, как и что...

– Разрешите мне – Леон выступил вперёд, – У меня с ним свои счёты.

– Выполняйте!

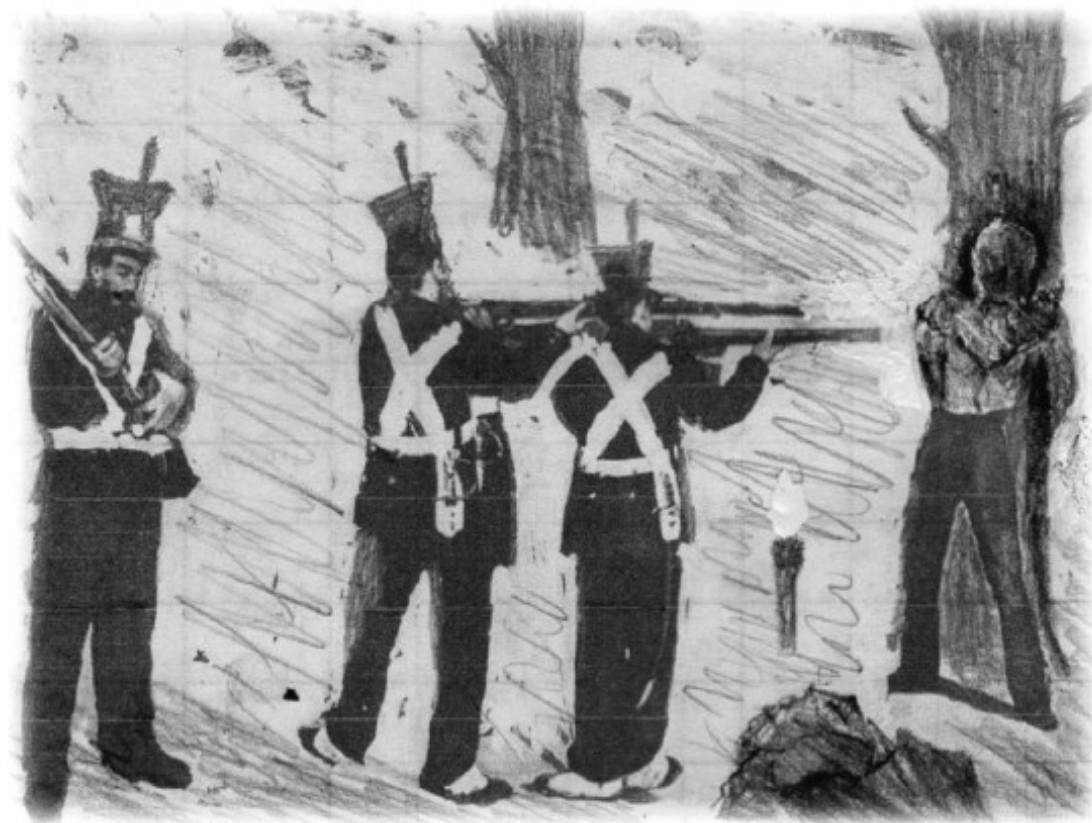
В расстреле изъявили желание участвовать кроме Леона ещё двое гвардейцев. Ездового подхватили под руки и потащили за ворота усадьбы. Один из гвардейцев взял у капрала факел и поспешил за ними.

Не обращая внимания на вопли о пощаде, на обещания хорошо вознаградить их, гвардейцы привели вора в дальний конец аллеи.

– Надо бы его раздеть – тихо произнёс Леон.

С ездового сняли верхнюю одежду и бросили на снег. Подвели к дереву, и, заломив руки, связали их, его же ремнём, с другой стороны ствола, натянув нательную рубаху на голову, закрыли лицо приговорённого. Затем гвардейцы отошли на несколько шагов и стали готовить оружие. До них доносилось тихое бормотание, в котором угадывались отдельные слова молитвы. Ружейный залп громом разнёсся по окрестностям. Как по команде залаляли и завывали собаки в деревне и в усадьбе.

Гвардейцы, стараясь не смотреть на результат своих действий, молча пошли в сторону усадьбы, сопровождаемые этим многоголосым собачьим хором.

...Ружейный залп громом разнёсся по окрестностям...

Ещё не забрезжил рассвет, а в усадьбе уже начались обычные суетливые сборы в дорогу. Французы, казалось без всякого смысла, сновали по двору, но при внимательном рассмотрении наблюдался определённый установленный порядок. Одни кормили и поили коней, готовили сбрую и сани, другие занимались оружием и боеприпасами и все утеплялись, как могли.

Мороз крепчал. Это обычное явление для такого безоблачного и безветренного утра. Небо на востоке посветлело. Ворота распахнулись и французы, не спеша, соблюдая порядок, стали выезжать со двора усадьбы. Из ноздрей коней валили клубы пара, их морды покрылись инеем.

На крыльцо вышел хозяин дома в огромной папахе из лисьего меха, валенках, закутанный в тулуп, явно большего размера, чем требуется, и с интересом стал рассматривать уезжавших французов.

Бертье в окружении офицеров, наблюдая за движением, отдавал мелкие распоряжения. Заметив выезжающую со двора карету, он приказал ездovому подать её к парадному крыльцу господского дома. Определив в человеке, закутанном в тулуп, владельца имения, Бертье поднялся по ступеням и, не совсем уверенный будет ли он понят, произнёс,

– Маршал Бертье, к кому имею честь обратиться?..

– Помещик Некрасов, владелец всего этого – с достоинством по-французски произнёс Некрасов, указав на пространство вокруг.

– Господин Некрасов, благодарю Вас за кров и ночлег, за проявленную терпимость к моим людям. Приношу свои извинения за доставленные неудобства и беспокойство, а всего более за самоуправство. Всему причина – война... Вы меня понимаете?..

Некрасов кивком головы показал, что принимает извинения.

– Господин Некрасов, у меня к вам просьба придайте земле по христианскому обычаю юношу умершего ночью от ран. Да, простятся ему грехи, которые он успел совершить за такую

короткую жизнь... Тела убийц тоже закопайте, найдите место, нехорошо если звери их порвут да растащат по полям, какие бы они ни были, а всё ж люди...

– Сделаем, не сомневайтесь, закопаем, найдём место. Царство им небесное!..

Видя доброе участие к его просьбе, Бертье решил продолжить,

– Скажите, эта дорога приведёт к Смоленску?

– Приведёт, почему ни привести? Только с обозом вам не пройти, конному или пешему можно. Круто там и скользко, в Днепр можно сорваться... Высоки и обрывисты берега у Днепра, – добавил Некрасов после короткой паузы, – Мой совет, возвращайтесь. Будет село Нахимовское, сверните направо, ещё вёрст через семь у Хмелиты выйдете на большак, опять сверните направо, а там вёрст через сто и Смоленск. Другой дороги нет.

Бертье задумался... – «Назад через речку, он нутром ощутил весь кошмар повторения переправы. Должен же быть, какой то выход...».

Видя растерянность француза, Некрасов продолжил,

– Дороги нет, но можно через болото попытаться проехать. Снег не глубокий, мороз крепкий по ночам вторую неделю, болото промёрзло. Проедете! Видите слева от дороги поле – это пашня, где-то с версту. За пашней «Сучье болото», справа и слева от него лес. За болотом с версту луга, а там и большак. По нему направо. Даст бог, проедете.

– Значит речка, через которую мы переправлялись – Днепр, а как зовётся это селение?

– Я Некрасов – вот и зовётся деревня – «Некрасове». У деревни Глушково вам предстоит переправа через Днепр, в тех местах он шире будет. Там земли помещика Глушкова. У нас зачастую так, как барина зовут – так и деревню обзывают, какое деревне название – такая помещику и фамилия будет.

Бертье хотел спросить ещё о чём то, как дверь распахнулась, и на крыльцо стремительно вышел Наполеон в широкополом плаще и низко надвинутой на лоб треуголке. Проходя мимо Некрасова, приостановился, бросив на него короткий пронзительный взгляд, его губы зашевелились в желании что-то произнести, но без единого звука он сбежал вниз по ступеням. Бертье едва успел подхватить его за локоть и сопроводить к карете. Ступив на подножку Наполеон на мгновение задержался,

– Прекратите этот маскарад, Бертье. Не пристало маршалу начальнику генерального штаба моей армии ходить в наряде простого кирасира. Следовать инкогнито и командовать генералами и офицерами, смешно, Бертье.

Бертье промолчал, но когда дверца кареты захлопнулась, для поднятия своего настроения, поддал незлобный, но увесистый подзатыльник слуге, улыбавшемуся во весь рот после слов Наполеона.

Слуга пристроил багаж и уселся рядом с возничим с недовольным видом, то ли от подзатыльника, то ли от того, что хозяин сегодня решил путешествовать в одиночестве. Ездовой щёлкнул кнутом. Тройка коней встрепенулась, и карета легко заскользила спеша занять своё место в обозе.

«Неужели сам император ночевал у меня в имении», – подумал Некрасов, переведя вопросительный взгляд с удаляющейся кареты на маршала.

Без труда разгадав немой вопрос Некрасова, Бертье взбежал на крыльцо и, порывшись в кармане, вложил ему в руку большую медную монету,

– Примите в знак памяти об убегающих французах.

Маршалу подвели коня,

– Да... Пора. – Прощайте Некрасов!.. Мир и спокойствие Вашему дому. Прощайте!..

– Скатертью дорога... – проговорил ему вслед Некрасов и раскрыл ладонь. На монете легко просматривался профиль ночного «гостя».

Бертье распорядился об изменении маршрута следования обоза и поспешил к императорской карете, попутно поторапливая всадников и ездовых.

По установленной очередности всадники и подводы начали сворачивать в сторону от дороги в поле. Бертье готов был прищпорить коня и поспешить в голову обоза, когда гвардеец сидящий на одном из возов окликнул его указав на дорогу и на всадника, приближающегося к обозу. Не имея возможности из-за зарослей кустарника объехать обоз, всадник остановил коня невдалеке, ожидая, когда дорога будет свободна. Бертье без труда узнал в нём знакомого мужика из имения и направил коня в его сторону. У Фёдора возникло некоторое беспокойство, но заметив приветливую улыбку на лице француза, он тоже заулыбался в ожидании приятной беседы.

Фёдор восседал без седла на породистом вороном жеребце, из-под тулупа выглядывали обутые в лапти ноги, на голове немного набок красовался его незаменимый треух.

Сосульки на бороде всадника и покрытые пеной бока жеребца говорили о совсем неблизкой ночной поездке мужика.

«Что за нужда заставила его совершить это ночное путешествие? Не связано-ли это с нашим обозом? Не ездил ли он к кому-то с поручением или сообщением о нашем передвижении?», – предположения Бертье ещё более укрепились, когда его попытки, жестаами выяснить о цели поездки, ни к чему не привели. Мужик явно притворялся, что не понимает Бертье, и всем своим видом показывал своё нетерпение и желание поскорее продолжить путь. Поняв бесполезность дальнейшего общения, Бертье хотел было повернуть коня и возвратиться к обозу, но, вспомнив о последних словах императора, снял с головы шлем и протянул его мужику. Фёдор обрадовался такому подарку, сорвал с головы треух и передал его Бертье, показав жестом, что это взамен шлема. Поняв выгоду для себя в неожиданном повороте событий, Бертье отстегнул доспехи кирасира и протянул их Фёдору, указывая на его тулуп. Не раздумывая, замороженный золотым блеском доспехов, тот решительно сбросил с себя тулуп. Завершив обмен Фёдор внимательно посмотрел на сапоги маршала, высокие, со шпорами, потом на свои лапти, – «Вряд ли француз согласится на такой обмен, хотя лапти совсем новые», – вздохнул и не простившись с маршалом направил своего коня в имение.

Бертье тоже вполне довольный, что так удачно избавился от надоевшей ему формы, убрал в походный мешок треух, достал и одел треуголку со звездой маршала, аккуратно уложил на холку коня тулуп и присоединился к замыкающим обоз егерям.

Некрасов смотрел в след уходящему обозу, с интересом ожидая какой путь изберут французы. Последняя подвода ещё не успела выехать с аллеи на наезженную дорогу, а всадники перед обозом уже свернули с дороги в направлении, указанном Некрасовым.

– Ефимыч!..

В приоткрытую дверь просунулась седовласая голова слуги.

– Надоть что, барин?..

– Ефимыч, принеси-ка мне смотровую трубу, которую помещик Нахимов подарил мне на Рождество, да рогатку для ружья, в кабинете за шкафом стоит. Я здесь посижу.

Желто-оранжевый серп восходящего солнца выглянул из-за зубчиков елей на горизонте, позолотив верхушки лип на аллее.

– Утро – то какое! Благодать божья! Жить да жить... – Некрасов тяжело вздохнул и задумался: «Чудак этот Нахимов, река в его имении шириной две сажени, а он морем бредит: наказал сыновьям, чтобы они, а если не они, то внуки стали бы мореплавателями. Чудак...»

Воткнув в щель между досками крыльца принесённую слугой подставку, Некрасов возложил на неё огромную, более полутора аршин, подзорную трубу, направил её в сторону французов и, склонившись, прильнул к окуляру.

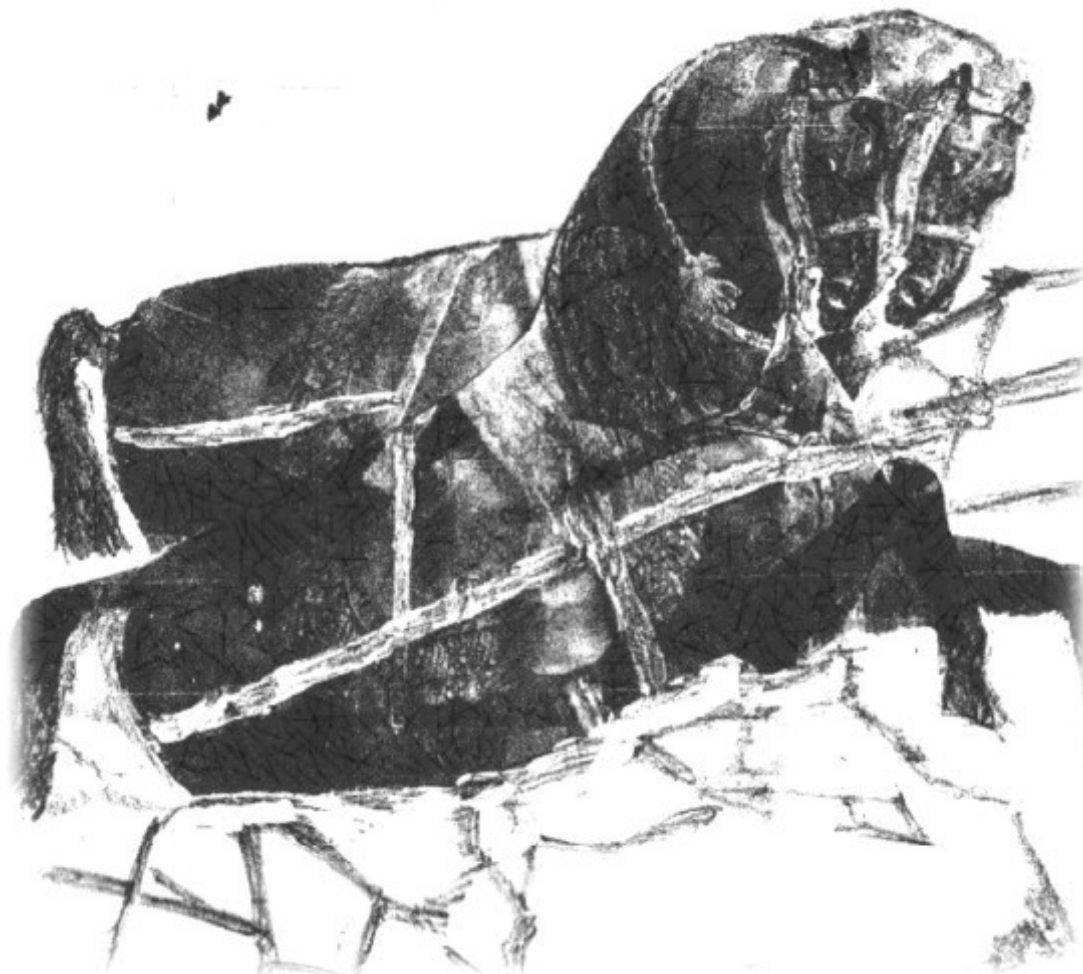
Ефимыч вынес высокое плетёное кресло и усадил в него своего престарелого хозяина, укутав в тулуп.

– Нет, Ваша милость, не пройдут, точно не пройдут! – словно прочитав мысли хозяина, произнёс Ефимыч и прищурил глаза, вглядываясь вдаль, – «Сучье болото» оно такое, сколь скота в нём сгнуло. Озерки небольшие да глубокие, сажени по две, по три до дна будет. В прошлом годе подпасок пропал, так и не нашли горемычного.

– Возможно, случится, и пройдут, который уж день морозит, лёд должно крепкий. Возможно, пройдут, почему не пройти, еже ли с умом, – Некрасов прервал наблюдение и недовольно посмотрел на слугу, – Хватит болтать пустое! Принеси-ка ты мне кофею погорячее.

Обоз благополучно пересёк пахотное поле и двигался по болотистому лугу, местами заросшему мелким ивняком. Под снегом, хотя и неглубоким, совсем не были заметны небольшие замёрзшие озёра, только потрескивание льда под возами да высокая трава, торчащая из снега по бережкам, выдавали их существование. Неопытные французы, впервые познавшие русскую зиму и не подозревающие о коварстве здешней природы, проявляя неосторожность и беспечность, пересекли несколько озёр.

Ни что не предвещало беды, когда вдруг под каретой, запряжённой шестёркой тяжело-возов, проломился лёд, и она мгновенно погрузилась в воду, увлекая за собой коней, пара из которых оказалась вместе с каретой в воде озера. Бедные животные судорожно пытались выбраться на лёд, но только обламывали его и ещё более ухудшали своё положение. Ездовой, управлявший упряжкой, попытался прыгнуть на лёд, но поскользнулся и упал в воду. Оказавшись между каретой и конями и запутавшись в сбруе, он под ударами копыт обезумевших коней с головой погрузился в холодную воду, потеряв малейший шанс на спасение. Ездовые и гвардейцы, оказавшиеся свидетелями случившегося, поспешили было на помощь, но желающих прыгнуть в холодную воду при таких обстоятельствах не нашлось, тем более что добровольцу грозила реальная гибель.

...Бедные животные судорожно пытались выбраться на лёд...

Многие из гвардейцев, побросав ружья и ранцы, кинулись помогать оставшейся четвёрке тяжеловозов. Взявшись за постромки и безжалостно погоняя коней, они безуспешно пытались вытянуть карету, но она всё глубже и глубже опускалась в мягкий ил озера.

Бертье, в окружении младших офицеров, из числа адъютантов и рассыльных генерального штаба, следовал впереди злосчастной кареты и волей судьбы оказался в числе очевидцев происшествия. Он сразу определил всю серьёзность положения,

– Скачите к полковнику Моруа, командиру конных егерей, передайте мой приказ приостановить движение обоза!..

Молодой адъютант прищпорил коня и поспешил исполнить данное ему поручение.

– Впрягите ещё четырёх тяжеловозов, из тех, что освободились на переправе!.. – приказал Бертье офицеру суетившемуся у коней.

– Господин маршал, их осталось только три. Необходимо было накормить солдат... – произнёс он виновато.

– Возьмите упряжку от другой пушки! Действуйте! Действуйте!.. Обрубите постромки и освободите коней, что в воде!..

Офицер выхватил из ножен клинок, держась за сбрую, склонился над полыньёй и с трудом обрезал находящиеся под водой ремни.

Почувствовав свободу, кони стали взбираться на лёд, обламывая его, и всё ближе и ближе приближались к берегу. Но чем мельче становилось, тем труднее им было. Их ноги начали вязнуть в топком дне, и, выбившись из сил, они обречённо замерли, положив головы на лёд.

Впрягли ещё одну четвёрку тяжеловозов. Карета продвинулась на несколько шагов. Бертье готов был уже поверить в успех, но сбруя не выдержала и ремни один за другим с треском порвались. Все замерли в растерянности. Бертье, с немым вопросом на лице, обвёл взглядом стоящих рядом офицеров, ожидая совета. Ответом было молчание.

Маршал с мрачным видом направился в сторону кареты императора.

– Что происходит? Бертье! Почему мы стоим, – донёсся глухой простуженный голос, – Нельзя позволять каких-либо задержек. Иначе мы можем не успеть. Понимаете, маршал?.. Можем не успеть.

– Карета с грузом провалилась в трясины, Сир. Вытащить её нет никакой возможности, но мы пытаемся, – Бертье умолк в ожидании решения императора.

Шли минуты. Наполеон словно забыл о нём. Бертье уже готов был вернуться к месту происшествия, когда наконец-то услышал властный голос,

– Оставьте эти бесполезные хлопоты!.. Злой рок преследует нас с того момента, когда мы впервые вступили на эту землю. Помните переправу через Неман, Бертье, без боя в водах реки я потерял тысячи своих солдат!.. – и после некоторой паузы уже спокойно продолжил, – Сокровища не желают покидать своего властелина... Слушайте, Бертье, прикажите бросить здесь весь лишний груз, который связывает наше продвижение. Перетряхнуть весь обоз, ни каких трофеев, ничего лишнего. Пушки и боеприпасы к ним в нашем положении тоже только обуза. Оставить только возы с фуражом и провиантом. На освободившихся коней посадите пехотинцев. Действуйте, маршал! Вперёд. Не теряйте время, если хотите увидеть Францию, вперёд! Или вернее назад?.. Считайте, как Вам будет угодно, Бертье...

– Книги, Сир, – их оставить?..

– Книги?.. В болото, затопите рядом с каретой! В болото, маршал, в болото!..

Бертье вернулся к полынье. Затонувшую карету было не разглядеть в воде, помутневшей от поднятого со дна ила, только еле различимо светилась бронзовая пряжка на португальском утонувшего ездового. Завязшие в трясины кони дрожали от холода и страха, с надеждой взирая на людей.

– Продолжим наш триумфальный поход, господин маршал? – с нескрываемой иронией спросил полковник Моруа стоящего у полыньи Бертье.

– Продолжим, полковник, и надеюсь на много быстрее... Несчастные животные...

Полковник перехватил взгляд маршала,

– Сколько их было и сколько ещё будет...

Он подошёл к одному из всадников, взял пистолеты, пристроенные у седла,

– Заряжены?

Получив утвердительный ответ, встал у края полыньи и, почти не целясь, выстрелил с двух рук. Мгновение и гладь воды скрыла следы событий минувшего часа – карету, ездового и коней.

– Командуйте, полковник. Советую послать впереди обоза пехотинцев для определения опасных мест, повторение случившегося нам не к чему.

Бертье задержался и стоя у полыньи наблюдал, как подводья одна за другой объезжали опасное место. Когда с ним поравнялись сани, нагруженные двумя большими сундуками, он приказал ездовому остановить коней.

Начальник генерального штаба армии Наполеона маршал Бертье не отличался выдающимися талантами полководца и совсем не был знатоком стратегии и тактики ведения боевых действий. Но императора вполне устраивал такой ответственный и преданный исполнитель как Бертье. Его талант организатора и склад ума, позволявший с лёгкостью улавливать все тонкости принимаемых Наполеоном решений, способность доводить их до войск, позволили ему до

самых последних дней существования армии Наполеона оставаться начальником генерального штаба.

Маршал смотрел на необычную для военного времени поклажу, испытывая мучительные душевные страдания, – «Невзрачные деревянные ящики с ржавыми петлями и замками, не представляющие никакой ценности. Но что внутри!?!». Впервые его посетили сомнения о правильности принятого императором решения, – «Библиотека «Ивана Грозного», переданная киевскому князю Олегу тысячу лет назад правителями Хазарского царства, как плата за обещанное сорокалетнее избавление от грабительских вторжений дружин Киевской Руси. Библиотека, содержащая знания, накопленные древнейшими цивилизациями. Библиотека, о которой ходят легенды по всей Европе, может пропасть...»

Адъютанта, давно служившего при штабе и хорошо изучившего характер маршала, поразило его искажённое мучительными сомнениями лицо,

– Господин, маршал, что случилось!?! Вам нужна помощь?..

– Нет, нет!.. – Благодарю... – решение пришло мгновенно, – Трогай! – приказал он ездовому и уверенно зашагал вслед за санями.

Когда отряд конных егерей свернул на «большак», Бертье дал указание адъютантам проверять и останавливать все возы за исключением гружёных сеном, боеприпасами и продовольствием,

– Ни фунта ненужного груза!..

Вокруг Бертье постепенно образовалась толпа из ездовых и гвардейцев. Слышался недовольный ропот, отдельные выкрики слились в общий гул возмущения. Не обращая внимания на офицеров, пытавшихся их успокоить, солдаты всё плотнее и плотнее обступали маршала. Адъютанты заслонили его собой, готовые применить оружие.

– Молчать! – громкий неожиданный приказ прозвучал как выстрел, – Солдаты! Я, начальник генерального штаба маршал Бертье, отдал приказ, а вы, солдаты французской армии, должны этот приказ исполнять! Приказы не исполняет только дезертир и предатель, за что его ждёт заслуженная награда – пуля в грудь!.. Возвращайтесь на свои... – слова маршала растворились в шуме кричащей толпы.

Поближе к маршалу расталкивая своих товарищей протиснулся Леон,

– Господин маршал, разрешите спросить!?! – прокричал старый вояка, привыкший к неформальному, а зачастую к приятельским отношениям между подчинёнными и командирами, что приветствовалось самим Наполеоном, и в наступившей тишине уже спокойно продолжил,

– Я заслуженный солдат, отмеченный наградами за доблесть и храбрость в многочисленных сражениях, весь израненный, такой же, как и все, стоящие здесь перед Вами, спрашиваю, почему нам запрещено идти вместе с обозом, почему оставляете нас среди этой белой пустыни на погибель. Объясните нам господин маршал...

– Верно – говорит!..

– Мы кровь проливали за Францию!..

– Верно!.. Ответьте нам, маршал!..

– Мы с тобой, Леон!..

– Послать делегатов к императору!.. Он нас защитит!..

– Да, здравствует император!..

– Да, здравствует Наполеон!..

– Слушайте!.. – Бертье поднял руку, успокаивая крикунов, – Слушай, солдат. Слушайте все!.. Это неотвратимая необходимость. Возы с грузами мешают быстрому продвижению.

Выпрягайте коней, пересаживайтесь на них. Для пеших разрешаю оставить несколько саней. Не выполните – гибель всем!..

После последних слов маршала толпа быстро рассеялась. Самые ловкие и сообразительные бросились к своим возам, чтобы первыми завладеть конями и возможно чем-либо ценным из поклаж. Возникли споры, мелкие стычки и даже драки. Бертье спокойно воспринимал происходящее и, только когда раздавались выстрелы, посылал кого-либо из адъютантов узнать, в чём там дело.

– Вернитесь! Капрал!.. – приказал Бертье, увидев спину уходящего гвардейца, – Подойдите! Для вас есть особое поручение!

Капрал поспешил исполнить приказ и вытянулся перед маршалом готовый слушать.

– Этот груз, – Бертье показал на сани с сундуками, – Закопайте здесь. Рядом вкопайте пушку дулом вниз, необходимо обозначить это место. Орудийная прислуга в Вашем полном распоряжении. Поспешите!.. Капрал!.. Бертье взмахом руки подозвал одного из адъютантов,

– Разыщите среди офицеров инженера-картографа полковника Баклера де Альба. Я жду его здесь.

– Вы искали меня? Господин маршал?.. – полковник Баклер де Альб лихо соскочил со своего вороного жеребца и подошёл к Бертье,

– На одном из возов обнаружен мёртвый гвардеец. Причиной смерти, по словам лекаря, явился этот ужасный холод и отсутствие тёплой одежды. Он просил Вам передать, что многие солдаты и офицеры уже простужены и что ещё три или четыре дня такого пути, и мы потеряем половину людей.

– Он думает, я в силах что-то изменить или исправить?.. Я не бог, полковник...

К полковнику де Альбу Бертье испытывал неприязнь с их самой первой встречи, Его, раздражали изысканные придворные манеры графа Баклера де Альба: всегда в сопровождении прислуги, всегда опрятно одет в мундир с белым накрахмаленным воротничком и в начищенные до блеска сапоги, всегда чисто выбрит и аккуратно пострижен. Бертье взгляделся в стоящего перед ним человека, – «Как он умудряется, даже при отсутствии в обозе его слуг, сохранить этот придворный лоск?» Бертье, сам любитель аккуратности в одежде и во внешнем виде, искренне позавидовал де Альбу. Он невольно провёл ладонью по своей небритой щеке, и заметив взгляд де Альба, брошенный на грязный отворот его мундира, инстинктивно убрал руку за спину.

– Капрал, закопайте несчастного здесь же. Пушка будет ему вместо надгробья. А, Вы, полковник, составьте план местности, измерьте шагами и отметьте на нём расстояние от дороги до этого места и от него до затонувшей кареты. Река, через которую мы переправлялись, носит название Днепр, селение, где мы провели ночь, зовётся Некрасове, всё нанесите на план, план передадите мне.

– Господин маршал, чернила замёрзли, чтобы изготовить качественную карту мне необходимо хотя бы на час тёплое помещение.

– Хорошо в первом же селении будет вам час удобств. Выполняйте!..

Бертье показал жестом на своего коня, адъютант подвёл его, поправил и подтянул сбрую, подставив плечо, помог маршалу сесть в седло и приготовился, как и другие офицеры, следовать за ним.

– Оставайтесь здесь и проследите за исполнением моего приказа!.. – Бертье безжалостно вонзил шпоры в бока жеребца и с места в карьер бросился вдогонку кареты императора.

Некрасов в последний раз осмотрел в подозрную трубу покинутое французами поле за болотом. Без видимой причины брошенные сани, одни даже с пушкой, раскиданные вокруг них

многочисленные узлы, мешки, ящики, упряжь и свежий могильный холмик вызвали нескрываемое удовлетворение,

– Ну что, Ефимыч, вот и я внёс свою маленькую лепту в разгром французов, и даже трофеи имеются. Ведь это я направил их через болото.

– Трофеи-то имеются, только чьи они будут?.. – слуга показал рукой на опушку леса у края болота.

Два человека уверенно шли в сторону затонувшей кареты. Видимо не только Некрасов наблюдал за всем происходящим на болоте. Когда они подошли к злосчастному для французов месту, Некрасов вновь прильнул к подзорной трубе.

– Да, это ж Яшка «Рябой»!.. Слышишь, Ефимыч?.. Из наших беглых. Сказывали, он за Урал подался, а он бестия здесь промышляет. Словить бы его... Второй мне не знаком. Взгляни- ка ты, Ефимыч. – и он, с трудом поднявшись, уступил ему кресло.

– Узнаю его, как не узнать. Имени его не знаю, а обзывают его «Кодаш». Он, барин, из тех, что помещик Филиппов в Бессарабии на кобылку-чистокровку выменял. Вор и разбойник знатный, не раз плетью меченый!.. Одно слово – цыган...

– Во, как добычу чувят! Как вороны падаль, – Некрасов был явно раздосадован появлением беглых крестьян, – Шёл бы ты в дом, Ефимыч, вон как трясёшься, совсем замёрзнешь. Я посижу, понаблюдаю. Приказчик появится – пришлётся ко мне.

Некрасов привалился к спинке кресла. Прикрыв глаза, он погрузился в блаженное состояние полусна – полуяви, словно он парил где-то между небом и землёй беззаботный и счастливый. Сон совсем было сморил старого помещика, когда в ответ на доносившееся издали ржание коней, послышалось ржание из конюшни усадьбы. Некрасов приподнялся в кресле. Прищурившись и прикрывшись ладонью от ослепительно сверкающего на солнце снега, он рассмотрел на дороге, идущей от деревни к усадьбе, трёх французских всадников.

«Проспали время выступления обоза... Пригреблись в тёплых постелях вдовушек или солдаток... Среди них всегда найдутся готовые обласкать одинокого мужчину, желая утолить свою жажду, невзирая на его национальность или принадлежность к другой вере... Бегают потом по селеньям чернявые или кудрявые ребятишки, и вспоминают люди, глядя на них, о прошлых событиях...», – Некрасов сплюнул, мысленно осуждая этих женщин.

Всадники поравнялись с аллеей, заметили привязанного к дереву ездового и направили коней ближе к месту казни.

Один из них подъехал к лежащей на снегу одежде,

– Да, весёлая была ночка.

Достал из ножен саблю, порылся ею в вещах, не слезая с коня, поддел на острие меховую рукавицу, отыскал другую. Натянул их поверх перчаток,

– Теперь моим ручкам мороз не страшен.

Другой верховой, по виду много моложе своих товарищей, соскочил с коня и, заметив среди вещей тёплый шерстяной шарф, завязал его на шее. Поднял припорошенный снегом мундир, встряхнул и с трудом натянул поверх своего. Обнаружив в кармане «обновки» кошелёк, в виде небольшого кожаного мешочка, заглянул в него. Опасаясь, что придётся делиться найденными драгоценностями и золотыми монетами, пряча его на груди, равнодушно произнёс:

– Неплохой кошелёк, может пригодиться.

«Не пойдёт вам это на пользу, верная примета», – подумал третий из французов, без всякого участия наблюдавший за их действиями.

Беглые крестьяне стояли у края полыньи и тыкали длинными рогатинами в воду, пытаясь определить глубину или нащупать то, что было скрыто в мутной воде.

– По нашу душу, видать, – «Кодаш» первый заметил трёх всадников, свернувших с дороги в их сторону, – Шо будем делать, «Рябой»? До леса далече – не успеть добывать.

– Шо! Шо! Вот шо! – «Рябой» достал из-под полы пистолет взвёл курок, сунул руку в карман полушубка, достал щепотку смешанного с мелким мусором пороха и высыпал его на запальное отверстие пистолета. «Кодаш» тут же последовал его примеру и приготовился встретить французов.

Всадники приближались, не выказывая ни малейшего беспокойства. Для них, опытных вояк эти два крестьянина не заслуживали особого внимания. Один из всадников, закутанный в только что добытый трофей, заметив направленный на него пистолет, инстинктивно заслонился руками от выстрела, но сражённый тяжёлой пулей, опрокинулся назад и, сброшенный испуганным конём из седла, повис, запутавшись в стремени. Конь волочил тело по снегу, пока нога убитого не выскользнула из застрявшего сапога.

Второго выстрела не последовало. «Рябой» раз за разом взводил курок, но осечка следовала за осечкой. Последнее что он увидел это блеск клинка над головой.

«Кодаш» бежал к лесу, на ходу перезаряжая пистолет и, не сделай он это вовремя, отправился бы вслед за товарищем.

Француз резко остановил коня и пришпорив его поднял на дыбы почти рядом с беглецом, защищая себя от пули. «Кодаш» направив пистолет на всадника пятился, удаляясь от француза. Тот прильнул к холке коня и, когда «Кодаш» развернулся и побежал, француз не стал более испытывать судьбу и вернулся к полынье.

Его товарищ склонился над убитым, тихо произнося слова молитвы.

– Оставь его, Рамиль! Нам следует поспешить, этот разбойник может вернуться не один, – произнёс подъехавший, спешившись, – Помоги мне...

Они опустили тело убитого в воду, но оно не хотело тонуть. Тогда они с помощью забытой «разбойниками» рогатины затолкали его под кромку льда.

– А, с этим, что будем делать? – произнёс один из них, глядя на окровавленное тело «Рябого».

– О нём позаботятся, – указал в сторону усадьбы второй француз.

Освободившийся от седока конь, отбежал от места трагических событий и замер, издали наблюдая за людьми. Заметив быстро удаляющихся всадников, он заржал и, услышав ответное ржание, сорвался с места и помчался вдогонку, чтобы променять приобретённую только что свободу на привычную для него неволю. Он спешил, боясь остаться в одиночестве. Если бы мог он знать, что через несколько дней будет застрелен и съеден голодными французскими солдатами... Так и человек, зачастую неожиданно получивший от судьбы шанс спастись, не решается этим воспользоваться и возвращается с надеждой на лучшее, к хорошо знакомому, привычному для него образу жизни, не ведая, что это ведёт его к неминуемой гибели...

«Вот и словили беглеца... Эх, Рябой, Рябой, нашёл-таки ты свою смерть не на чужбине, а на родной земле. Одно радуется – за Землю Русскую пострадал», – Некрасов в последний раз взглянул на удаляющихся всадников, поднялся с кресла и направился в свой кабинет.

Сев за письменный стол, Некрасов снял массивную крышку с чернильницы, выбрал и тщательно заточил несколько больших гусиных перьев, достал из стопки бумаг чистый лист и, подавшись назад, прищурился глазами, аккуратно мокнул перо в чернильницу и стал выводить красивым почерком слово за словом:

«Дорогой мой сыночек, Коленька!

Уж более года скучаю а ждущу, какой-никакой весточка от тебя аль о тебе. Не знаю живой ли ты. Может израненный лежишь в госпитале и не имеешь сил написать мне хотя бы несколько слов. Если не можешь, попросил бы, какого из своих товарищей захватить ко мне

да рассказать о тебе, что и как. Молю бога ежечасно, что б был ты живой и здоровый и приехал бы ко мне погостить с внуками Ваней и Петей, да с женой Оленькой.

У нас в имении всё по-старому, однако, соблюдаем экономию, все лишки отправляем для снабжения армии, для победы над проклятым врагом.

Многих из крепостных отдали в рекруты, некоторые вернулись калеками, но мы их не оставили без помощи.

Сообщаю тебе престранную вещь, не подумай, что свихнулся старик на старости лет. Ночевал у нас в усадьбе этой ночью сам узурпатор Наполеон. Да! Да! Сам император Бонапарт. Прибыл он с большим обозом, возов в тридцать, да две кареты, да пушки, в сопровождении конников, полтысячи, не меньше, некоторые в латах да с перьями на шлемах и командиров разных чинов не менее сорока.

Когда Ефимыч мне доложил о том, послал я в ночь Федьку, конюха нашего, к Денису Давыдову в Николо-Погорелое, где обосновался он со своим отрядом. Это в пяти верстах от Смоленского большака, что б легче было пощипывать французов да разорять их обозы. Жалею только, что не знал я в то время, что за гость ко мне пожаловал.

Сего дня утром Фёдор доложил об исполнении моего поручения, видел Давыдова и сообщил ему о большом этом обозе и войске, которые следуют обходными путями к Смоленску. Шустрая bestия этот Фёдор я тебе скажу.

Так что и мы здесь вносим посильную лепту в дело победы над врагом.

А ещё расскажу тебе про случай, что произошёл с французами на «Сучьем болоте», через которое по моей подсказке они двигались к дороге, ведущей в «Холм». Они бы и проехали, но одна из карет, запряжённая шестёркой добрых коней, оказалась тяжела для первого льда и провалилась в одно из озёр посреди болота, видимо много чего награбленного в этой карете. Так и не смогли французы вытащить её, так и оставили на дне озера.

Коленька, место я приметил: если идти от последней слева липы на нашей аллее прямо на одинокую сосну за болотом, так и подойдёшь к этому озеру.

Дорогой Коленька, сын мой единственный, приезжай быстрее, стар я стал и немощен, боюсь – умру, не видя тебя боле...

Крепко обнимаю и трижды целую, твой батюшка отставной гвардии капитан Семёновского полка ныне помещик Некрасов.»

Он перечитал письмо, исправил кое-какие ошибки, вложил письмо в конверт и задумался. Приняв решение, уверенно написал на конверте:

«В штаб Русской Армии для передачи командиру гренадёрской роты, Смоленского полка, Некрасову Николаю, уроженцу села Некрасова, Дорогобужского уезда, Смоленской губернии»

Затем растопил над горящей свечой сургуч, накапал его на уголок конверта, и приложил к нему свой фамильный перстень с вензелем «Н».

«Только как же я доставлю письмо, почтовых карет уж который месяц не видать?..», – на его лице отразилась растерянность.

Как ни старался Некрасов, на ум ничего не приходило. Расстроенный он нажал потайную клавишу на секретере и убрал письмо в секретный ящичек, хотел было закрыть его, но передумал, сунул руку в карман халата, достал монету, подаренную французом, и положил её поверх письма.

Освободившийся от тяжёлых грузов обоз без особого труда переправился через Днепр у деревни Глушково. Дорога, пройдя через небольшой перелесок, вывела французов на поле, за

которым виднелось большое село. Над селом возвышалась каменная церковь с высокой колокольней.

Когда обоз наполовину выдвинулся из перелеска, на колокольне монотонно зазвонил колокол.

На подходе к селу идущий впереди конный отряд вдруг прекратил движение. Бертье и полковник Моруа, следовавшие вблизи кареты, поспешили выяснить причину остановки. Пройдя в голову обоза, они сразу поняли причину колокольного звона, звучавшего совсем не в их честь. На въезде в село, преграждая французам путь, была сооружена баррикада из перевернутых саней, брёвен, бочек, мешков с соломой, поленьев дров и прочего хозяйственного имущества, длиною сажень в семьдесят. Баррикада ошетилилась острыми кольями, в центре торчало дуло пушки. Перед баррикадой был устроен невысокий вал из снега, покрытого коркой льда. Между валом и баррикадой лежали широкой полосой бороны зубьями вверх. Эта примитивная крепость была построена явно не сегодня и не вчера, жители села заранее готовились достойно встретить чужеземцев.

За баррикадой суетились люди, готовясь к обороне. Со стороны села по зову колокола спешили жители, вооружённые цепями, косами, вилами и прочими подручными средствами, пригодными для обороны. Некоторые держали в руках ружья. Все жители, «от мала до велика», шли на защиту родного дома.

...На въезде в село, преграждая французам путь, была сооружена баррикада...

Бертье попросил у одного из адъютантов небольшую подзорную трубу. Встревоженные, но решительные лица готовых идти на смерть людей рассмотрел он в маленьком стёклышке окуляра трубы, – «Мы им явно не по душе. Просто так без боя не уступят». – Бертье протянул руку и, указывая подзорной трубой направление, приказал,

– Направьте обоз в объезд села, полковник, вот по той дороге справа. Не стоит проливать кровь этих мужественных людей, тем более наших солдат, без особой на то необходимости. К тому же сейчас самое дорогое для нас это время, а провиант, надеюсь, мы сможем пополнить и в других местах.

Когда обоз свернул с большака в объезд села, за баррикадой раздались восторженные крики и в воздух полетели сорванные с голов шапки. Осмелевшая ребятня выбежала из-за баррикады и стала швыряться во французов снежками. Французы не обращали на них внимания, но когда несколько снежков угодили в цель, некоторые попрыгали с возов и стали отвечать тем же. «Перестрелка» шла с переменным успехом, и бывалые солдаты тоже, как и дети, прыгали и радовались, когда ими брошенный снежок попадал в кого-то из мальчишек.

Придержав коня, Бертье наблюдал за «сражением», – «Были бы все войны только такими». Ему вдруг захотелось спрыгнуть с коня и запустить снежком в одного из этих шуст-

рых и смелых сорванцов. С его лица долго не сходила благодушная улыбка, вызванная этим желанием.

Дорога за селом немного ухабистая, но хорошо наезженная, привела обоз в лес. По обеим сторонам, рядом с дорогой стояли огромные ели. Сквозь густые еловые лапы едва-едва пробивался дневной свет. Люди и кони сразу же притихли. В тишине леса раздавался только хруст снега под ногами пешеходов французов, позвякивание сбруи да приглушённый елями топот коней, тянущих везы.

– Господин маршал! Взгляните сюда!.. – один из адъютантов показал на следы у обочины дороги. Их было множество, они не были похожи на следы от сапог французских солдат. Были хорошо заметны следы от копыт коней, совсем свежие, что было ясно даже неопытному глазу. Одни уходили вглубь леса, другие возвращались к дороге...

«Засада!.. Неужели засада?..», словно молния пронзила эта мысль Бертье.

– Передать по обозу: максимально ускорить движение, приготовить оружие к бою! – приказал он адъютантам и, услышав впереди и позади команды: «ускорить движение», «приготовиться к бою», немного успокоился.

Обоз заметно ускорил движение. Пришпорив своего коня и переведя его в галоп, крикнув на ходу ездоков «Гони!», Бертье помчался впереди кареты, подгоняя конных егерей.

Впереди появился просвет, лес заканчивался. Когда до опушки оставалось совсем немного, из леса раздался залп нескольких пушек, и началась беспорядочная стрельба из ружей. Французы отвечали на выстрелы, не целясь, направляя ружья в темноту леса на невидимого врага. Ездовые ожесточённо хлестали коней, пытаясь как можно быстрее выйти из-под обстрела. Поперёк дороги стали с треском падать заранее подрубленные ели. Бертье пригнувшись в седле подгонял и подгонял коня, надеясь, что спасение там, за лесом. Конные егеря десятками падали, сражённые пулями. «В коней не целят, берегут», промелькнула мысль, и он плотнее прижался к холке. Огромная ель стала с треском падать перед ним, преграждая путь, «Всё конец, не спастись». Но верхушка ели неожиданно застряла в деревьях на другой стороне дороги, оставляя свободный проезд. Ветки больно ударили по лицу, и Бертье с трудом удержался в седле. «Тройка», запряжённая в карету подгоняемая звуками выстрелов, неслась за ним. Ездовой, сброшенный с крыши кареты упавшим деревом, бежал за ней, всё более и более отставая.

За лесом справа и слева от дороги раскинулись заснеженные поля, впереди виднелись крестьянские избы и хозяйственные постройки.

Удалившись от опушки леса, французы сгруппировались вокруг остановившейся кареты. Из леса доносился шум боя.

– Господин маршал, я должен вернуться, там гибнут мои солдаты, – полковник Моруа указал на лес, – Я не прощу себе, если оставлю их умирать!..

– Вы находите возможным применение конницы в этом непроходимом даже для пешего солдата густом лесу?.. К тому же дорога завалена деревьями. Хотите погубить себя и всех нас?.. Вы что забыли о той миссии, которую исполняете!.. – прокричал Бертье, теряя самообладание от волнения, вызванного возникшей опасностью.

К карете подбежал запыхавшийся ездовой и стал машинально трясушимися руками разбирать спутавшиеся поводья. Все заворожённо смотрели на его руки, как будто он делал, что то особенное и очень важное. Заметив к себе такое внимание, ездовой с виноватым видом, словно оправдываясь, за какой-то серьёзный проступок, еле слышно произнес, поворачиваясь то к одному, то к другому:

– Меня деревом сбросило... – Я не мог оставить лошадей без присмотра... – Ведь верно?.. Я не трус... Я не трус... Я имею награды за храбрость... – Да, да, господа офицеры... – За храбрость...

Маршалом овладело чувство вины и стыда перед этим солдатом, фактически героем, доведённым до сомнения в своей доблести и умоляющего его простить. «А, я, маршал Великой армии, не виновен ли я в том, что сейчас происходит, ни я ли начальник генерального штаба всё это допустил, ни я ли довёл солдата до этого его состояния?..»

Бой в лесу затихал, всё реже звучали выстрелы и, наконец, стихли. «Чем закончился бой?.. Что если смогли отбиться?..», Бертье готов был послать адъютанта разведать обстановку, как вдруг из леса лавиной выкатилась группа всадников. Бертье сразу признал в них русских казаков, не смотря на небольшое их число, они смело с гиканьем и свистом, размахивая короткими копьями и шашками, бросились на значительно превосходящих их числом егерей.

– Егеря! К бою! – Моруа выхватил из ножен саблю, – За мной егеря! Вперёд! За императора! За Францию! – и первым направил своего арабского скакуна навстречу казакам.

Видя превосходящие силы французов, казаки, вдруг повернули коней, пытаясь скрыться в лесу. Егеря бросились в погоню, воодушевлённые неожиданным успехом, и это было их роковой ошибкой. Приблизившись к опушке леса, казаки вдруг повернули коней и приготовились к встрече. Егеря были совсем рядом с ними, когда из-за деревьев раздался ружейный залп, а по флангам, из леса, на французов, охватывая их кольцом, мчались две сотни гусар.

Ловушка захлопнулась. Исход боя был предreshён. Несколько офицеров, сопровождавших карету, сорвались с места и, выхватив из ножен, сабли с криками «За императора! За Францию!» поспешили на помощь. За ними тут же последовали все остальные.

...Исход боя был предрешён...

– Господин маршал, позвольте и мне, – ездовой умоляюще смотрел на Бертье.

– Это твой выбор. Да, хранит тебя «Всевышний».

Ездовой приготовил пистолет и направился в сторону боя.

– Стой! Вернись! – Бертье спешился, снял свой походный небольшой кожаный мешок, сбросил лежащий на холке коня тулуп, и передал повод подошедшему ездовому.

– Имя твоё, солдат?

– Бертран, ездовой гвардейского полка армии императора Франции Наполеона!

– Удачи тебе Бертран.

Подоспевшее к французам неожиданное подкрепление немного смутило их противника, но ненадолго. Его превосходящие по численности силы и хитрый манёвр сделали своё дело: французы сначала поодиночке, а потом и группами, стали бросать на снег оружие и сдаваться на милость победителя.

Вернулся один из адъютантов. Он прижимал к груди правую руку, из большой резаной раны обильно сочилась кровь,

– Всё кончено господин маршал, – он сделал попытку произнести ещё что то, но вдруг потерял сознание и соскользнул с седла.

Бертье снял со своей шеи белый офицерский шарф, свернул его и прижал к ране пытаясь остановить кровь.

– Пьер! Помогите мне! – они втащили раненого внутрь кареты, – Останови кровь и перевяжи рану.

Бертье поднял упавший на пол кареты окровавленный шарф, хотел передать его Пьеру, но передумал и взглянул на императора. Наполеон сидел, откинувшись на мягкую спинку сиденья, не принимая никакого участия в происходящем. Лицо его было бледным, глаза прикрыты слегка дрожащими веками.

– Сир, Вы не могли бы обмотать голову вот этим?.. – поверьте мне, это единственная возможность избежать плена, если не изменит нам удача.

Не произнеся ни слова, Наполеон протянул руку к шарфу, лицо его ещё более побледнело, ни кто, как он, не представлял всей серьёзности случившегося.

Бертье отшвырнул в сторону треуголку, сорвал эполеты и ордена, отстегнул шпоры и забросил всё это подальше в сугроб. Поднял тулуп, отряхнул его от снега и одел, глубоко запахнув полы. Собрался уже влезть на козлы, как заметил группу всадников, приближающихся к карете.

Впереди на танцующем под ним породистом скакуне восседал совсем ещё молодой мужчина. На голову была глубоко надвинута шапка из рысьего меха. Торчащие из-под неё пышные бакенбарды, вздёрнутый нос, закрученные кверху усы, отрастающая борода и сабля в руке рисовали Бертье образ разбойника-партизана, и лишь распахнутый полушубок являл глазу голубой гусарский мундир.

Потому, что сопровождающие гусара всадники следовали чуть поодаль сзади, Бертье легко определил в нём главного среди прочих. Достав из мешка трех и, держа его в руке, сделал несколько шагов навстречу и опустился на одно колено перед гусаром,

– Господин офицер отдаём себя в ваши руки и надеемся на вашу милость. Я интендант, я не держал в руках оружия и не убивал русских солдат, я сопровождаю раненого племянника, он единственный сын у моей сестры, я обещал ей позаботиться и защитить его. – Произнёс Бертье, надеясь, что офицер понимает его французскую речь, – Пощадите нас и разрешите двигаться далее, возьмите всё, что у нас есть, но только проявите милосердие...

– Поднимитесь! Мы не разбойники. Тем более не воюем с ранеными и пленными, – произнёс офицер по-французски, сильно грассируя, – Отворите Дверцу.

Бертъе, внутренне содрогаясь, стараясь не показать ни малейшего признака волнения, открыл дверцу кареты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.